

Глава 61. Интерлюдия: собака и кошка

Гость спит на кровати, хозяин — на диване.

Логично.

Но дом у Дрейтона был большой. Кровать — тоже большая. На ней легко поместились бы и два человека, и собака. Да и вообще, разве они уже не спали вместе раньше?

К тому же Ли Вэй был совершенно уверен, что не станет мешать Дрейтону. На поезде тот просыпался только потому, что койка была слишком узкой — любое движение ощущалось как землетрясение. По сравнению с этим кровать у Дрейтона даже с двумя людьми оставляла между ними целый Тихий океан. Там уже никто никому помешать не мог.

— Ты точно хочешь спать на диване? — на этот раз Ли Вэй спросил совершенно серьёзно, чтобы у Дрейтона не возникло ложных мыслей. — Мы можем лечь на одной кровати. Просто чуть подальше друг от друга.

— Да, я не против.

Сказать «с удовольствием» звучало бы слишком двусмысленно. Отказаться напрямую — выглядело бы так, будто он избегает его. Поэтому за полсекунды Дрейтон выбрал нейтральный вариант и добавил:

— Я не иду в спальню не потому, что не хочу. Просто я и так собирался просидеть в кабинете почти до глубокой ночи. За последние несколько дней накопилось слишком много работы и писем.

Он открыл планшет и показал Ли Вэю экран, усыпанный красными точками уведомлений.

— Ложись сам. На поезде у тебя работы было куда больше, чем у меня.

И это было правдой. Ли Вэй успел отдубасить Слепую Трость, подраться с Хань Цзэ и ещё провести душевительную беседу с начальником поезда Ю Лянем. И мозги, и тело у него не отдыхали ни секунды. Он не удержался и зевнул:

— Я дверь запираю не буду. Когда закончишь, можешь прийти спать на кровать.

Дрейтон кивнул, и только после этого Ли Вэй ушёл в сторону спальни.

...

На следующее утро Ли Вэй, обнимая подушку, лениво потянулся под одеялом. А когда в нос ударил запах готовящейся еды, резко сообразил: это ведь не его дом.

Он тут же подскочил на кровати, натянул тапки и, ведомый ароматом, пошёл в открытую кухню-гостиную.

Дрейтон стоял у плиты.

Ли Вэй какое-то время тупо на него смотрел, а потом спросил:

— Что ты делаешь?

Чудовищно. Это что, такой хоррор: просыпаешься — а начальник уже превратился в домашнего повара?

Если бы это был обычный любовный роман, главный герой наверняка бы сказал что-нибудь нежное вроде: «Дорогой, я готовлю тебе завтрак».

Но Дрейтон, не отрываясь от дела, просто указал пальцем себе под ноги:

— Готовлю ей еду.

Ли Вэй, услышав это, обошёл островок и увидел, как их кудрявый щенок сидит у ног Дрейтона и, задрав морду, замороженно смотрит на кипящую кастрюлю. Как только Ли Вэй подошёл ближе, тот быстро подскочил, ткнулся в него и снова устался на еду.

— Она проснулась в семь утра, — бесстрастно сообщил Дрейтон. — Дралась с диваном, требуя еду. Сначала я подумал, что ей нужно в туалет, и отнёс её в ванную. Она у меня на глазах начала грызть швабру. Я оторвал её от швабры, вытер пасть, отвёл к миске с кормом, но она опрокинула миску и театрально свалилась на пол, будто умерла. А стоило мне только вскрыть пакет со снеками, она моментально воскресла и начала вопить. Ты ещё спал, и я не хотел, чтобы она тебя разбудила, поэтому пообещал сварить ей что-нибудь. Только после этого она наконец угомонилась.

Ли Вэй: «...»

Значит, это был не хоррор.

Это было явление демонического младенца.

Он посмотрел на щенка с его невинной мордочкой, потом перевёл взгляд на тёмные круги Дрейтона под глазами и спросил:

— Ты вообще не спал?

На самом деле спал. Примерно в два часа ночи Дрейтон закончил все дела, заглянул в спальню, увидел, что Ли Вэй крепко спит, обнимая одеяло, и не стал его тревожить, а сам пошёл на диван.

Он никак не ожидал, что наказанием за сон на диване станет собачий подъём в семь утра.

Пять часов сна — это всё-таки тоже сон. Но, немного подумав, Дрейтон применил классический приём весенне-осеннего пера и сказал:

— Почти не спал.

И у Ли Вэя тут же проснулась совесть.

Он нагнулся, хлопнул щенка по голове, ткнул пальцем ему в нос и сказал:

— Не смей обижать людей.

А потом оттеснил Дрейтона от плиты:

— Иди посиди. Я сам посмотрю за кастрюлей.

Дрейтон отошёл на пару шагов, и тут за спиной послышалось цоканье когтей по полу. Это Ли Вэй, пока ждал, когда сварится мясо, присел рядом со щенком и начал играть с ним в игрушку. Утренний свет заливал комнату через стеклянную стену. На волосах человека и на пушистой шерсти щенка он лежал так мягко, что пыль в воздухе казалась крошечными духами из сказок, которые исполняют желания.

Дрейтон сам не заметил, как остановился и стал на это смотреть.

...

Позавтракав, Ли Вэй попрощался с Дрейтоном, сначала заехал домой, а потом взял собаку и поехал оформлять осмотр и регистрацию. Он не был так занят, как Дрейтон, но всё же предпочитал разбираться с делами как можно быстрее.

Породу он записал как «лабрадудль» — возможно, там было что-то ещё, но примерно так. Пол — мужской. Возраст — примерно четыре месяца...

Оставалось имя.

Ли Вэй постучал ручкой по бланку и написал: Тоб.

Вообще-то это человеческое имя. Но выбрал он его исключительно по созвучию с одним словом: за то, что сгрыз швабру.

Вот и будешь теперь Тобом.

Пёс по имени Тоб, конечно, даже не подозревал, что именно так для него началась целая жизнь рядом с человеком. Он просто продолжал увлечённо жевать игрушку. Зубы у него сейчас как раз менялись, так что страсть всё грызть была совершенно нормальной. Сотрудники, хоть и получили на руки немало собачьих слюней, всё равно смотрели на него с умилением.

К тому моменту, когда всё, что можно, было оформлено, часы уже перевалили за три дня. Ли Вэй привёз щенка домой — того немного укачало в машине — опустил на землю во дворе, отстегнул поводок и сказал:

— Беги, Тоб.

Живое существо, которое прожило в этом мире всего четыре месяца, в ту же секунду сорвалось с места.

Сам же Ли Вэй закрыл калитку, вытащил стул и поставил его на бетонной площадке у входа в дом. Когда опасность Потустороннего мира наконец отступила, запоздалая усталость накрыла его с головой. Некоторое время он просто сидел, откинувшись на спинку, ни о чём не думая и почти не двигаясь, только впитывая запах травы, птичьих крики и силуэт Тоба на лужайке.

Его зелёные глаза превратились в холст, на котором отражалась вся эта картина. Сам он, сидящий между газоном и кустами, сливался с садом почти так же естественно, как высокие, густые олеандры. Шум и нервозность человеческого мира исчезли. Остались только существа, которым для жизни нужны солнечный свет и дождь. И эта простота вдруг наполнила Ли Вэя странным, глубоким чувством покоя.

Отдохнув немного, он хлопнул в ладоши и позвал:

— Тоб!

Щенок был умным и уже научился понимать по интонации, когда слово «Тоб» означает именно его. Он вострепнулся, ушами захлопал, как маленький жеребёнок подпрыгнул и, перемахнув через ещё не приведённый в порядок цветник, понёсся к Ли Вэю. Добежав, он выдал звонкое, ещё немного неловкое, будто не до конца отработанное:

— Гав-уф!

Ли Вэй поднял его на руки.

И неожиданно вспомнил, что в детстве тоже хотел собаку.

Райнер Ливиус любил охотиться. Однажды они шли по снегу на северо-западе Федерации, и сосновые иглы, даже спустя больше десяти лет, до сих пор словно царапали ему лодыжки из памяти. Когда показалась добыча, его замёрзшие пальцы соскальзывали со спуска.

Было видно, как странного вида дикий олень опустил голову и щиплет мох. Из ноздрей у него шёл пар. Ли Вэй хотел просто посмотреть, как тот ест. Но ладонь Райнера Ливиуса вдруг накрыла его палец на спуске. В следующую секунду приклад с чудовищной силой ударил в ключицу, а прежде чем в ушах успел стихнуть звон, он уже увидел, как в двадцати ярдах впереди дёргается коричневая туша.

— Хотел убежать. Жаль, опоздал на полшага.

Мужчина разжал его сведённые пальцы, забирая ружьё. Гильза зашипела, упав в снег. Кровь впилалась в мёрзлую землю, и в воздухе повис густой запах хвои.

Увидев, что Ли Вэй застыл, отец схватил его за ворот и потащил вперёд:

— Иди потрогай ему глаз, Ларк. Пока совсем не остыл, он ещё мягкий.

А теперь уже взрослый Ли Вэй осторожно коснулся глаза Тоба.

И подумал: да, гораздо мягче, чем у мёртвых животных.

* * *

Время шло быстро.

После пары дней отдыха Тоб получил собачьи документы и успел привыкнуть к новому дому. Ли Вэй взял его с собой в Бюро безопасности, отмечаться на работе, и там узнал, что Хань Цзэ всё ещё допрашивают.

Этот бывший первый киллер Азии держался невероятно крепко. Ни физическое давление, ни психологическое не смогли выбить из него ничего. Его связи тоже выглядели на удивление чистыми: не было ни подозрительных контактов, ни мест, куда он бы ездил так, что это стоило бы копнуть.

Но Слепая Трость когда-то назвал имя Мицуи Такаси.

Мицуи Такаси был известным бизнесменом азиатского происхождения с высоким статусом и очень хорошей репутацией. Бюро безопасности не решалось напрямую его трогать, чтобы не спугнуть раньше времени, так что следствие пока только осторожно разбирало всё по краям.

Кроме этого, у Ли Вэя к этому моменту на руках уже было три артефакта из Потустороннего мира.

Первый — статуэтка Богини Смерти и чёрные свечи к ней.

Второй — нефритовый кулон Фудзивары Рюити.

Третий — уродливая кошачья статуэтка, которую Ю Шань, она же Юаньян, купила где-то на базарчике в Западной Азии.

Ю Шань говорила, что этот отвратительный кот, похожий на лягушку, — воплощение Баала. Исторически Баал был главным богом у хананеев, но из-за древних ритуалов с храмовыми проститутками — и мужчинами, и женщинами — а также человеческих жертвоприношений и религиозной конкуренции, со временем в мифах он постепенно превратился в образ злого божества.

О происхождении Баала пока говорить было рано — не факт, что этот кот вообще имеет к нему отношение. Но стиль поведения у него действительно оказался куда более диким, чем у Богини Смерти.

Во-первых, он позволял своим верующим жить в долг. Система «сначала пользуйся, потом заплатишь» у него работала идеально, и он совсем не боялся, что это только раздует аппетиты тех, кто к нему обратится.

Во-вторых, он ещё и сам активно вербовал последователей.

Однажды вечером Ли Вэй дома играл с Тобом в перетягивание каната. И вдруг уродливая кошачья статуэтка, брошенная на журнальный столик, начала дёргаться, а из её изумрудных глаз потекла липкая, похожая на битум жижа.

Нефритовый кулон Фудзивары в кармане Ли Вэя раскалился, предупреждая об опасности. Ли Вэй мгновенно выхватил пистолет, а Тоб очень храбро встал и залаял на статуэтку.

В следующую секунду к дулу легла маленькая кошачья лапка.

— Пока не стреляй, — прохрипела уродливая кошка. — Я бог, пришедший из глубокой древности и ищущий путь домой. Не хочешь ли ты заключить со мной контракт и стать маги...

Бах.

Ли Вэй выстрелил ей прямо в глаз, из которого сочилась слизь, и пробормотал:

— Твёрдый. Значит, уже остыл.

Уродливый кот:?

— Ты перепутал жанр, — холодно сказал Ли Вэй, наводя пистолет на второй глаз. — Сегодня не четверг безумия.

— Стань моим последователем, плата будет щедрой!! — взвизгнул кот. — Тридцать дней подряд тебе будут сниться храмовые проститутки, которые гоняются за тобой, чтобы затащить в брак!!

Что это вообще за бред умирающего затворника. Ли Вэй, который и без того никогда не страдал от недостатка поклонников, усмехнулся:

— Не хочу.

Кот завопил:

— Тогда ты сам станешь храмовой проституткой!

«...»

Ли Вэй молча зажёл чёрную свечу, положил статуэтку над пламенем и сказал:

— Я принёс её тебе в жертву. Не благодари.

После этого он всю ночь ходил вооружённый и настороже.

Но ничего не случилось.

А уже на следующее утро он прихватил все три артефакта и пошёл в Бюро безопасности — добровольно докладывать начальству, что в его доме кошка-идол пытается открыть бордель и заодно продать в него самого.

<http://bllate.org/book/17014/1657208>